

мураками
мария

Харуки Мураками

Дэнс, дэнс, дэнс

Москва
2017

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

Haruki Murakami
DANSU, DANSU, DANSU
Copyright © Haruki Murakami, 1994

Перевод с японского *Дмитрия Коваленина*

Мураками, Харуки.

М91 Дэнс, дэнс, дэнс / Харуки Мураками ; [пер. с
яп. Д. Коваленина]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 608 с. — (Мураками-мания).

ISBN 978-5-04-158703-1

«...И тут я наконец осознал: вокруг меня — крошечная тьма. Ни лучика света. Двери лифта все так же беззвучно затворились у меня за спиной, и эта тьма стала черной, как битумный лак. Я не различал даже собственных рук. Музыка тоже исчезла. В зябком воздухе едко пахло какой-то хиной.

И в этой крошечной тьме я стоял, не дыша, совершенно один».

«Дэнс, дэнс, дэнс» (1988) — заключительный роман культовой «Трилогии Крысы» классика современной японской литературы Харуки Мураками, начатой романами «Слушай песню ветра», «Пинбол 1973» и «Охота на овец».

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Д. Коваленин, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-158703-1

ООО «Издательство «Э», 2017

Март 1983 г.

1

Мне часто снится отель «Дельфин». Во сне я принадлежу ему. По какому-то странному стечению обстоятельств я — его часть. И свою зависимость от него там, во сне, я ощущаю совершенно отчетливо. Сам отель «Дельфин» в моем сне какой-то искаженно-вытянутый. Очень узкий и длинный. Такой узкий и длинный, что вроде и не отель, а каменный мост под крышей. Фантастический мост, который тянется из глубины веков до последнего мига Вселенной. А я — элемент его мощной конструкции... И внутри кто-то плачет еле слышно. Я знаю — плачет из-за меня.

Отель заключает меня в себе. Я чувствую его пульс, ощущаю тепло его стен. Там, во сне, я — один из органов его огромного тела...

Такой вот сон.

Открываю глаза. Соображаю, где я. И даже говорю вслух. Где я? — спрашиваю сам себя. Вопрос, лишенный всякого смысла. Задавай его, не задавай — ответ всегда известен заранее. Я — в своей собственной жизни. Вокруг — моя единственная реальность. Не то чтобы я желал их себе такими, но вот они — мои будни, мои заботы, мои обстоятельства. Иногда со мной рядом спит женщина. Но в основном я один. Ревущая скоростная магистраль за окном, стакан у

подушки (с полпальца виски на донышке) да идеально соответствующий обстановке — а может, и просто ко всему безразличный — пыльный утренний свет. За окном дождь. Когда с утра дождь, я не сразу вылезаю из постели. Если в стакане осталось вчерашнее виски — допиваю его. Наблюдаю за каплями, что срываются с карниза за окном, и думаю об отеле «Дельфин». Вытягиваю руку перед собой. Ощупываю лицо. Убеждаюсь: я — сам по себе, никому отелю не принадлежу. Я НИЧЕМУ НЕ ПРИНАДЛЕЖУ. Но ощущение из сна остается. Там, во сне, попробуй я вытянуть руку вот так же — и огромное здание заходило бы ходуном. Точно старая мельница, к которой заново подвели воду, заскрипело бы оно, заворачало вал за валом, шестеренку за шестеренкой — и всем корпусом до последнего гвоздя отозвалось бы на мое движение. Если прислушаться, можно даже различить, в какие стороны этот скрип разбегается... Я прислушиваюсь. И различаю чьи-то сдавленные рыдания. Из крошечного мрака доносятся они еле слышно. Кто-то плачет. Тихо и безутешно. Плачет и зовет меня.

Отель «Дельфин» действительно существует. Притулился на углу двух убогих улочек в Саппоро. Несколько лет назад я прожил там целую неделю. Нет — попробую вспомнить точнее. Восстановить все в деталях... Когда это было? Четыре года назад. Еще точнее — четыре с половиной. Мне тогда не было и тридцати. Мы поселились там на пару с подругой. Собственно, она-то все и решила. Вот, говорит, здесь и поселимся. Дескать, мы просто должны поселиться именно в этом отеле — и ни в каком другом. Не потребуй она, мне бы и в голову не пришло останавливаться в таком странном месте.

То был обшарпанный, богом забытый отелишко: за неделю нашего пребывания там я встретил в фойе

всего двух или трех человек — да и о них было крайне трудно сказать, живут они здесь или забежали на пять минут по делам. Судя по тому, что на доске за стойкой портье кое-где недоставало ключей, постояльцы у отеля «Дельфин» все же имелись. Немного. Совсем чуть-чуть. А поскольку телефон отеля мы нашли в справочнике большого города, подозревать, будто здесь вообще никто не останавливается, было бы просто странно. Но если, кроме нас двоих, здесь и жил кто-то, надо полагать, существа это были страшно робкие и забытые. Видеть мы их не видели, слышать не слышали и никакого их присутствия не ощущали. Разве только порядок ключей на доске у портье менялся день ото дня. Видимо, даже по коридорам они передвигались бледными тенями, затаив дыхание и прижимаясь к стенам. Лишь изредка тишину в здании нарушало громохание старого лифта; но лифт замирал, и тишина обваливалась еще тяжелее, чем прежде...

Совершенно мистическое заведение.

При взгляде на него мне всегда казалось, будто передо мной ошибка мировой эволюции. Жертва зашедших в тупик генетических трансформаций. Уродливая рептилия, чей биологический вид долго мутировал не в том направлении — слишком долго, чтобы теперь меняться обратно. В результате же все особи этой ветви повымирали, только одна осталась в живых — и громоздилась теперь, сиротливая и неприкаянная, в угрюмых сумерках нового мира. Жестокоего мира, где даже Время от нее отреклось. И обвинять в этом некого. Нет виноватых — и совершенно нечем помочь. Потому что с самого начала не надо было устраивать здесь отель. С этого, самого главного промаха все и пошло вкривь да вкось. Как сорочка, которую застегнули не на ту пуговицу, и она совсем немного перекосилась. Любые попытки исправить

этот маленький перекося приводят к такому же легкому, почти элегантному беспорядку еще где-нибудь. И так, понемногу, вся сорочка оказывается перекошенной, с какой стороны ни смотри... Бывает на свете такая особая перекошенность. Если часто смотреть на нее, голова привыкает непроизвольно клониться вбок. Вроде никаких неудобств: наклон очень слабый, всего в несколько градусов. Легкий, естественный наклон головы. Привыкнешь — и можно вполне уютно жить на свете. Если, конечно, не обращать внимания на то, что весь остальной мир воспринимается под наклоном...

Именно таким был отель «Дельфин». Его убогость, как и обреченная готовность в любую секунду провалиться сквозь землю от всех нелепостей, скопившихся в нем за десятки лет, бросались в глаза любому. Жутко тоскливое заведение. Тоскливое, как колченогая псина под январским дождем. Конечно, на свете нашлось бы немало отелей еще тоскливее этого. Но даже поставленный с ними в ряд, отель «Дельфин» смотрелся бы по-особому. Тоска была заложена уже в самом проекте здания. И от этого становилось тоскливей вдвойне.

Стоит ли говорить: за исключением бедолаг, попавших сюда по ошибке или неведению, трудно было найти человека, который поселился бы в отеле «Дельфин» добровольно.

На самом деле отель назывался несколько иначе. «Dolphin Hotel» — вот как это звучало официально. Но образ, рождаемый таким названием в моей голове, настолько отличался от того, чем приходилось довольствоваться в реальности — при словах «Dolphin Hotel» мне представляется роскошный сахарно-белый отель где-нибудь на побережье Эгейского моря, — что я про себя называл его просто «отель «Дельфин». Как бы в отместку вывеске «DOLPHIN

NOTEL», висевшей у входа. Без вывески догадаться о том, что перед вами отель, было бы невозможно. Но даже с вывеской здание никак не выглядело отелем. Больше всего напоминало оно музей. Хранилище каких-то особенных знаний, куда тихонько, чуть не на цыпочках, заходят особенные посетители и со специфическим любопытством в глазах разглядывают экспонаты, ценность которых понятна лишь специалисту...

Не знаю, казалось ли так же кому-нибудь еще. Но, как я выяснил позже, такое впечатление было не просто полетом моей фантазии. На одном из этажей здания действительно располагался архив.

Кто же захочет селиться и жить в таком месте? В музее с полуистлевшим хламом неизвестного назначения? В лавке старьевщика, где мрачные коридоры заставлены бараньими чучелами, в воздухе пыльными клочьями плавают овечья шерсть, а стены завешаны порыжевшими фотографиями? В мрачном склепе, где даже мысли людей, не найдя себе применения, скопились по углам засохшей грязью?

Вся мебель в отеле повыцвела, столы шатались, и ни одна дверь не запиралась как следует. Лампы едва горели — в коридорах висел густой полумрак. Вода из свинченных кранов в туалетах текла не переставая. Ожиревшая горничная (ноги, как у слона) бесцельно шаталась по коридорам, чахоточным кашлем напоминая миру о своем существовании. Управляющий отелем, средних лет мужчина с жалобными глазами, самолично просиживал с утра до ночи за стойкой в фойе, и на руке у него недоставало двух пальцев. На его лице было ясно написано: за какое дело бы он ни взялся, ничего хорошего не получится никогда. То был классический представитель племена неудачников. Как если бы его поквасили сутки-другие в бочке с чернилами, затем отпустили — и как

бедняга ни пытался потом отмыться, злая карма ошибок, провалов и хронического невезения въелась в кожу голубовато-унылым оттенком и навеки осталась с ним. Этого типа явно стоило посадить под стекло и показывать школьникам на уроках естествознания. Под табличкой: «Человек, Безнадежный Во Всех Отношениях». Одним своим видом он вызывал у посетителей жалость — а некоторых, уверен, и раздражал (бывают люди, которые злятся, когда нужно кого-то жалеть)...

Ну кому взбредет в голову здесь селиться?

Но мы поселились. «Мы просто обязаны здесь поселиться!» — уговорила меня подруга. И вскоре исчезла. Как сквозь землю провалилась, оставив меня одного. Об этом мне сообщил Человек-Овца. «Девчонка ушла, — сказал он. — Девчонка должна была уйти»... Теперь-то я понимаю, что все это значило. Ее главной задачей было сделать так, чтобы я пришел сюда добровольно. И она блестяще сыграла свою роль. Роль указки Судьбы. Как реки Молдавии. Куда по ним ни сворачивай — все равно выплываешь к морю... Лежу и думаю об этом, глядя на дождь за окном. Думаю о Судьбе.

С тех пор как у меня начались эти странные сны, по утрам в голове так и вертится мысль о пропавшей подруге. С каждым утром все отчетливей кажется, будто я снова ей нужен — и что она зовет меня. Иначе с чего бы мне снился отель «Дельфин»?

«Подруга»... Я ведь даже имени ее не знаю. Прожили вместе несколько месяцев — а я так и не знаю о ней ни черта. Знаю лишь, что работала «девушкой по вызову» в дорогом ночном клубе. Элитарном, с членской системой и респектабельными клиентами. Шлюха высшей категории. И кроме этого еще подрабатывала в нескольких местах. Днем правила тексты в небольшом издательстве, да время от времени под-